

А.Г. Юркевич

Учебное пособие по истории отношений СССР и Китая: каким ему быть?

К публикации книги В.Г. Дацышена

«История русско-китайских отношений. 1917–1949 гг.: учебное пособие» (Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023).

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к теме советско-китайских отношений в первой половине XX в., предложенные в имеющихся статус учебных пособий работах А.А. Писарева (2013) и В.Г. Дацышена (2023). Сопоставление методологических принципов, примененных к одной и той же проблематике с интервалом в десятилетие, приводит к выводу: преодолеть ограниченность подхода, сводящего взаимодействие России/СССР с Китаем исключительно к сфере политики, невозможно лишь за счет отказа от рассмотрения политических программ и стратегий, усиления акцентов на якобы самодостаточной фактографии, а также на региональных и культурных аспектах темы. Продуктивность любого рода подходов будет зависеть от того, насколько обоснованным и отчетливо артикулированным будет концептуальный каркас изложения, в какой степени он позволит учесть и продемонстрировать в учебном пособии взаимовлияние политического, регионального, культурного и иных факторов двусторонних отношений.

Ключевые слова: Китай, СССР, история советско-китайских отношений, русско-китайские отношения, учебные пособия, В.Г. Дацышен, А.А. Писарев.

Автор: Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

А·G·尤尔克维奇

苏中关系史教材：它们应该是什么样子？

致 V·G·达奇申《1917–1949 俄中关系史教材》

(克拉斯诺亚尔斯克：西伯利亚联邦大学，2023 年) 出版。

摘要: 本文探讨了 А·А·皮萨列夫 (2013) 和 V·G·达奇申 (2023) 具有教科书地位的著作中提出的二十世纪上半叶苏中关系主题的研究方法。对适用于相隔十年的相同问题的方法论原则进行比较得出的结论是，仅通过拒绝考虑政治纲领和战略并加强对主题的区域和文化方面观点的罗列，不可能克服将俄罗斯/苏联与中国的互动仅限于政治领域的解释的局限性。这种强调的效果取决于表述的概念框架的合理性和清

晰性，在多大程度上能在教材上顾及和展示政治、区域、文化等双边关系因素的相互影响。

关键词：中国；苏联；苏中关系史；俄中关系；教材；V·G·达奇申；A·A·皮萨列夫。

作者：亚历山大·根纳季耶维奇·尤尔克维奇，历史学副博士，俄罗斯科学院中国与现当代亚洲研究所当代中国史及中俄关系部首席研究员。E-mail: yurkevich@mail.iccaras.ru

A. G. Yurkevich

Textbook on the History of the Relations between the USSR and China: What Should It Be Like?

To the publication of the book by V.G. Datsyshen
“History of Russian-Chinese relations. 1917–1949: textbook”
(Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2023).

Abstract: The article examines approaches to the topic of Soviet-Chinese relations between 1917 and 1949 as presented in textbooks published by A.A. Pisarev in 2013 and V.G. Datsyshen in 2023. A comparison of the approaches in the newer textbook with the methodological principles applied a decade earlier suggests that overcoming the limitations of interpreting USSR/Russia-China interaction solely in political terms cannot be achieved simply by disregarding political programs and strategies while placing greater emphasis on regional and cultural aspects. The potential success of such an approach depends on how well-founded and clearly articulated the assessment of the interplay between political, regional, and cultural factors in bilateral relations is.

Keywords: China, the USSR, the history of Soviet-Chinese relations, textbooks on Russian-Chinese relations, V.G. Datsyshen, A.A. Pisarev.

Author: Yurkevich Alexander G., Candidate of Historical Sciences, Leading researcher at the Center of the Modern History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. Email: yurkevich@mail.iccaras.ru

Подготовка учебников и пособий – важная отрасль академической практики, обусловленная прогрессом научного знания и изменениями требований к учебному контенту. Его обновление применительно к исторической науке связано с изменением угла зрения на рассматриваемые события и процессы, подхода к отбору необходимого и ненужного, главного и второстепенного, а нередко и самой логики «сцепления»

фактов между собой в синхронном и асинхронном аспектах, которая формирует целостную картину исторической реальности. Создание учебного пособия невозможно без корреляции с опытом предыдущих проектов и должно открывать какие-то новые возможности для учебного процесса, адаптировать его под потребности более широкой или, наоборот, специализированной аудитории и т.п.

Поэтому новое учебное пособие профессора Сибирского федерального университета В.Г. Дацышена, вышедшее в 2023 г., не может не привлечь внимание коллег. Книга призвана продемонстрировать читателю «комплекс проблем и противоречий, связанных со становлением и развитием советско-китайских отношений до середины XX в.» [Дацышен, 2023, с. 2] и тематически продолжает принадлежащую перу того же автора публикацию аналогичного жанра, посвященную периоду 1618–1917 гг. [Дацышэн, 2004].

По тематике наиболее близка пособию В.Г. Дацышена публикация историка-китаиста А.А. Писарева, ныне работающего в Даньцзянском университете на Тайване. Это глава 3 «Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай (с 1917 до 1949 г.)» [Писарев, 2013] из известного обобщающего издания по истории отношений России и Китая за последние четыре столетия, вышедшего под редакцией профессора А.В. Лукина. Книга, частью которой данная глава является, носит обобщающий характер и создавалась с прицелом на использование в качестве пропагандистического материала – как свидетельствует информация, помещенная на обороте титула, издание «допущено... в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) „Международные отношения“»¹.

Помимо тематики и изучаемого периода два рассматриваемых пособия роднит существенное внимание к событиям, происходившим в приграничных регионах: у А.А. Писарева им посвящены четыре подпараграфа из 12, у В.Г. Дацышена – семь параграфов из 20. Но если Александр Александрович описывает случившееся в Монголии, Маньчжурии и Синьцзяне, то Владимир Григорьевич, потомственный сибиряк, позиционирующий себя в первую очередь как краеведа, освещает также то, что происходило в Сибири и на российском Дальнем Востоке. Обширные фрагменты текста уделены этим территориям и в других разделах его книги, которая адресуется более широкому кругу пользователей, нежели вдвое меньшая по объему публикация А.А. Писарева – всем студентам, «изучающим отечественную и всеобщую историю по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры» [Дацышен, 2023, с. 2].

Чтобы выяснить, чем, помимо целевой аудитории и объема, различаются два учебных пособия, изданных с интервалом в 10 лет, что нового предлагает издание 2023 г., необходимо прежде всего рассмотреть теоретико-методологические установки авторов.

¹ В создании этой книги принимал участие и В.Г. Дацышен – в качестве соавтора главы, посвященной отношениям приграничных регионов России/СССР и Китая (Дацышен В.Г., Ларин В.Л., Романова Г.Н. Замок с границы снят. Приграничные регионы в российско-китайских отношениях // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под. ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. Сс. 409–519).

Различия в подходах к теме и структуре материала

Как можно понять из введения к книге В.Г. Дацышена, он предлагает рассматривать историю русско-китайских отношений в качестве процесса взаимодействия не только и не столько *государств* – объединяющих некие территории политических структур, сколько *стран* – населенных пространств, имеющих этнокультурные, во многом субъективно определяемые измерения и границы. Прямого противопоставления двух понятий автор избегает, но о том, что оно подразумевается, говорит намек на первенство культурного и лингвопсихологического ракурсов специфики русско-китайского взаимодействия: «Понятия „русский“ и „китайский“ являются сложными и многогранными. В основе понятия „русский“ лежит русский язык и культура во всех их проявлениях, и объединяют это понятие социальные и политические институты, созданные и развивающиеся в рамках языка, на фундаменте русской материальной и духовной культуры» [там же, с. 5].

Таким образом, социальные (во-первых) и политические (во-вторых) факторы для автора теоретически выступают вторичными конструкциями, вырастающими из формообразующего (задающего «рамки») культурного основания.

«То же самое – продолжает В.Г. Дацышен – лежит в основе понятия „китайский“, с учетом того, что последнее является преломлением через русскую культуру материальной и духовной культуры *чжунго-чжунвэнь* (Срединного государства и китайской письменной культуры). Взаимодействие между двумя государствами – это лишь вершина айсберга, основу которого составляют связи и взаимодействие на уровне *регионов* (курсив мой. – А.Ю.), общественно-политических организаций, социальных институтов, промышленных предприятий и хозяйствующих субъектов, культурных институций, малых социальных групп и отдельных личностей» [там же].

Не вдаваясь в анализ небезынтересного тезиса по поводу многогранности понятий «русское» и «китайское», отметим, что целостная концепция двусторонних отношений как системы, в основании которой лежит взаимодействие таких трудноопределимых предметов, как страны и народы, во введении отсутствует. Скорее, там отражено неприятие того обстоятельства, что история советско-китайских отношений до сих пор «остается вопросом в первую очередь политическим» [там же], и высказано намерение от этой односторонности отказаться.

Что касается работы А.А. Писарева, то она, будучи главой в книге, отдельного введения не имеет. Но авторские методологические принципы вытекают из содержания первого подпараграфа начального раздела. Тот открывается обоснованием важности *идеологически обусловленных теоретических программных установок* для внешнеполитической стратегии Советской России – на примере решений II конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам, определивших главные направления внешней политики РСФСР/СССР на Востоке в 20-е годы, а соответственно и отношения со многими странами Азии [Писарев, 2013, с. 119–120]. Принятому II конгрессом курсу на поддержку коммунистами национальных движений на Востоке, предполагавшему союз с демократическими партиями в решении задач буржуазного этапа революции и содействие революционизации стран Азии для ослабления там позиций империалистических держав, с тех пор на довольно длительное

время была подчинена как деятельность Коминтерна и РКП/ВКП(б) по созданию компартий в странах Азии и поиску союзников для них, так и работа официальных дипломатических представительств. Поэтому учет указанных теоретических умозрений и соответствующих директив А.А. Писарев предлагает в качестве своего рода ключа к поиску стратегических мотивов внешнеполитической политической активности Москвы в восточной части Евразии по крайней мере в 20-е годы. И он в этом мнении не одинок (о роли решений II и IV конгрессов Коминтерна во внешнеполитической стратегии Советской России см., например [ВКП(б), Коминтерн..., т. 1, с. 10–12, 22–25 и др.]).

Пик влияния идейно-теоретических мотиваторов на внешнюю политику СССР фиксирует у А.А. Писарева заглавие второго параграфа («Идеология и внешняя политика: советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.»). Идеологическим установкам, определявшим внешнеполитическую риторику и реальные направления внешней активности СССР, уделено существенное внимание и при освещении событий 30-х годов (см. [Писарев, 2013, с. 156–158 и др.]), когда власти СССР еще испытывали нужду в согласовании внешнеполитической стратегии с теоретическими моделями, закреплявшимися в решениях конгрессов Коминтерна. Впоследствии официальные установки такого рода фиксировались в документах правящей партии, возрастала роль секретных решений, которая и раньше была значительной, а также утилитарных тактических соображений. Но идеологическая составляющая никогда не уходила из советской внешнеполитической стратегии, установки которой А.А. Писарев неуклонно учитывает, рассматривая ситуации, складывавшиеся в советско-китайских отношениях в конце 1930-х – 1940-е годы (см., например, [там же, с. 199–200 и др.]). Выделение главных акторов двустороннего взаимодействия и их стратегических установок позволяет выстроить иерархию участников процесса, планы и замыслы которых в той или иной степени влияли на его ход, определяли те или иные его аспекты.

Для сравнения: у В.Г. Дацышена ни решения II конгресса, ни стратегии акторов международного взаимодействия отношений почти не упоминаются (если не считать начала гл. 1 и заключения, где мельком и очень общо говорится об отношении сторон к международному праву и традициям после 1917 г.). И это больше похоже на принцип, нежели на случайное упущение. Разница методологических подходов к *учебному материалу* проявляется у двух авторов в структуре изложения и маркировке ее компонентов.

В.Г. Дацышен разбивает текст на три главы по хронологическому принципу: «Становление советско-китайских отношений» (до 1924 г.), «Советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.» и «Советско-китайское взаимодействие в 1931–1949 гг.» Хотя рамки каждого из параграфов фиксируют вехи пути от почти полного разрыва двусторонних связей к их возобновлению и развитию или в обратном направлении – от пика к разрушению, однако формулировки заголовков носят подчеркнуто «непроблемный» характер, в том числе не обозначают векторы процесса. Даже небезнадежное в этом плане название гл. 1 не вполне точно: «становление» предполагает однонаправленность, тогда как в реальности поначалу (в 1917–1920 гг.) имел место распад прежней системы контактов.

Если на уровне глав структура учебного пособия В.Г. Дацышена подчинена хронологическому принципу, то на уровне параграфов у него с проблемным подходом, требующим заостренности на определенном комплексе вопросов (ответы на них в случае исследования необходимо *отыскать*, а в учебном пособии в систематизированном виде *представить* читателю) конкурирует нацеленность на группировку фактов по тематическому признаку. Исходя из формулировок заголовков, в гл. 1 к «тематически ориентированным» правомерно отнести параграфы 1.2. «Отношения на уровне регионов и общественно-политических организаций», 1.3. «Китайская интервенция на востоке России», 1.4. «Китайцы в Красной Армии» и 1.7. «Торгово-экономические отношения». Соответственно, в группу «проблемно ориентированных» допустимо включить параграфы 1.8. «Русское китаеведение и взаимодействие в гуманитарной сфере» и 1.9. «Завершение процесса установления советско-китайских отношений». Проблемный характер заголовков здесь проявляется в соположении отдельных явлений с системным комплексом (параграфы 1.5., 1.6., 1.8.) или выделением вектора и этапа рассматриваемого процесса (1.9.).

В гл. 2 (включает параграфы 2.1. «Межгосударственные отношения: от установления до разрыва», 2.2. «Сотрудничество с Гоминьданом и КПК», 2.3. «КВЖД в 1924–1929 гг.: от соглашения до конфликта», 2.4. «Китайские эмигранты в системе советско-китайских отношений» и 2.5. «Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г.») к «тематически ориентированным» справедливо отнести по крайней мере параграфы 2.2. и 2.5; в гл. 3 (3.1. «Японская агрессия и восстановление советско-китайских отношений», 3.2. «Синьцзян в советско-китайских отношениях», 3.3. «Советская помощь Китаю в начале Второй мировой войны», 3.4. «Советско-китайские отношения во время Великой Отечественной войны», 3.5. «Советско-китайский союзный договор и окончание Второй мировой войны» и 3.6. «Проблемы советско-китайских отношений в 1946–1949 гг.») – как минимум параграфы 3.3. и 3.4. Хотя союз «и», примененный в заголовках параграфов 3.1. и 3.5., в принципе означает лишь неопределенное соположение объектов, но оно может расцениваться и как отсылка к взаимодействию явлений и процессов, подразумевающему «проблемность».

Подчеркнем, что речь идет о критерии формальном и условном: подразумеваемая заголовком «проблемность» не обязательно будет реализована в тексте.

Так или иначе, у В.Г. Дацышена ее внешние признаки в большей или меньшей степени наличествуют в 12 заголовках из 20, у А.А. Писарева – практически во всех: «Советско-китайские связи в 1917–1924 гг.: от первых контактов к установлению дипломатических отношений» (подпараграфы «Первые контакты между Советской Россией и правительствами Северного и Южного Китая», «Монгольский вопрос в советско-китайских отношениях», «Советско-китайский договор 1924 года и проблема КВЖД»); «Идеология и внешняя политика: советско-китайские отношения в 1924–1931 гг.» («Советский Союз и революция в Китае», «Советско-китайский конфликт 1929 года»); «Японское вторжение и советско-китайские межгосударственные отношения в 1931–1937 гг.» («СССР и нарастание угрозы японской агрессии против Китая», «Советский Союз и прекращение гражданской войны в Китае»); «Эволюция советско-китайских отношений накануне и в годы Второй мировой войны (1937–1945)» («Помощь СССР Китаю в отражении японской агрессии», «Синьцзян в совет-

ско-китайских связях накануне и во время антияпонской войны»); «Советско-китайские отношения и гражданская война в Китае (1945–1949)» («Советская дипломатия и проблемы послевоенного урегулирования в Китае. Советско-китайский договор 1945 года», «СССР и Маньчжурская революционная база», «Политика СССР на завершающем этапе гражданской войны в Китае»). Здесь при четкой хронологической последовательности параграфов почти каждый заголовок содержит маркеры взаимосвязанных комплексов проблем. Исключением с натяжкой можно считать первый подпараграф начального параграфа, последний подпараграф второго и последний же – заключительного параграфа, но в двух заголовках – там, где фигурируют понятия «конфликт» и «политика», могут подразумеваться сопутствующие этим понятиям проблемные комплексы (причины и поводы, декларированные и скрываемые цели и задачи сторон, факторы, обусловившие неудачи или успех и т.п.).

Таким образом, уже формальные признаки позволяют заключить, что для А.А. Писарева принципиален проблемный подход, тогда как для В.Г. Дацышена он менее важен, и в первую очередь автор нацелен на выход за пределы политических аспектов проблематики и расширение ее регионального и культурного ракурсов. Примечательно в этой связи, что гл. 1 учебного пособия В.Г. Дацышена, охватывающая самый короткий, по сравнению с 2-й и 3-й главами, период (семь лет против соответственно восьми и 19), существенно превосходит их по объему (84 страницы против 54 и 52) и числу параграфов (девять против пяти и шести). Это легко объяснить: роль приграничных регионов и диаспорального фактора в отношениях двух стран в советский период никогда не была столь велика, как в 1918–1920-х годах.

Посмотрим, как сказываются такие предпочтения на изложении материала, который должен задать читателю парадигму объективного видения советско-китайских отношений в первой половине XX в.

Могут ли факты «говорить сами за себя»?

Книга В.Г. Дацышена отличается обширной фактографией и значительно подробнее, чем имеющиеся обобщающие публикации по близкой тематике, освещает малоизвестные широкой аудитории региональные факторы советской внешней политики и двусторонних отношений. В гл. 1 сообщаются детали, касающиеся существования китайской диаспоры в нашей стране, особенностей участия китайцев в гражданской войне в России, роль местных белых и красных властей, а также приграничных областей в осуществлении контактов с Китаем, особенности поддержания культурных связей с ним до 1924 г. Гл. 2 рассматривает противоречивый процесс параллельного развертывания отношений по официальной линии с пекинским правительством и, большей частью конспиративно, а также под прикрытием якобы независимых от Москвы советнических групп, с Гоминьданом и другими оппозиционными Пекину некоммунистическими силами, а также с КПК; показано, как активность, связанная со стимулированием революционного процесса в Китае, привела СССР к разрыву не только с Пекином, но и с Гоминьданом, и к деградации советско-китайских отношений, вплоть до вооруженного конфликта в 1929 г. 3-я глава, охватывающая

самый протяженный из трех рассматриваемых периодов, но при этом самая короткая (ее материал оставляет меньше всего места для фактографии краеведческого характера), посвящена процессам эволюции советско-китайских отношений от их возобновления после начала японской агрессии в 1931 г. и до создания КНР в 1949 г., когда новое китайское государство стало налаживать отношения с Советским Союзом.

Все параграфы (а не только отдельные, как можно было ожидать, исходя из заголовков) представляют собой автономные тематические очерки, где сгруппированы факты, соответствующие определенному аспекту темы в рамках периода, которому посвящена глава. Если в работе А.А. Писарева общая логика изложения опирается на артикуляцию стратегий взаимодействующих сторон, действия которых выступают тактическими экспликациями общих замыслов, то у В.Г. Дацышена такая единая логическая канва отсутствует.

И это затрудняет ориентацию в обилии фактов, играющих не иллюстративную, а самодовлеющую роль.

Во-первых, есть опасность не вполне верно оценить их соотносительную важность. Например, сотрудники НКВД Китаевед А.Н. Воскресенский и сибиревед В.Г. Виленский действительно немало сделали для выработки внешней политики советского государства в отношении Китая, как указано на с. 79. Но вряд ли их усилия затмят не упомянутый в книге вклад, внесенный в тот же процесс В.И. Лениным и другими фигурами близкого уровня. Например, в основу резолюций упомянутого выше II конгресса Коминтерна (1920 г.) легли ленинские «Тезисы по национальному и колониальному вопросам» в редакции одного из ведущих в тот период деятелей Коминтерна индийского коммуниста М.Н. Роя.

Во-вторых, то обстоятельство, что в книге В.Г. Дацышена не принимаются во внимание стратегические установки взаимодействовавших сторон, создает риск нарушения логической и хронологической связи фактов.

Например, в параграфе 2.1. сообщается о захвате китайской полицией советского посольства и генконсульства в Пекине в апреле 1927 г. [Дацышен, 2023, с. 95]. Однако мотивы этого действия несколько проясняются только на с. 96–97: оказывается, что деятельность дипломатов была «несамостоятельной», консульства служили придатком нелегального аппарата. Но такая ситуация вытекала как раз из тех стратегических намерений Москвы в Китае, о которых читателю не сообщается, и способов их реализации, зачастую конспиративных и нацеленных на развертывание массовых движений, миролюбивым не отличавшихся. В том же параграфе повествуется о начале пути в политику северокитайского генерала Фэн Юйсяна, впоследствии маршала, объявившего свои войска Национальными армиями и выразившего симпатии лидеру Гоминьдана Сунь Ятсену [там же, с. 105–106]. Информация не лишняя, однако ее смысл можно понять лишь в контексте *предшествовавших* событий и процессов, на которые намекает имя Сунь Ятсена и которые освещаются только в *следующем* параграфе 2.2. [там же, с. 109–119], где идет речь о сотрудничестве Москвы с Гоминьданом и КПК. Таким образом, обстоятельства, раскрывающие логику развития советско-китайских отношений, рассматриваются *после* освещения тех акций, которые этой логикой определялись, и даже не в прямой связи с такими акциями.

Последовательность и причины исторических событий ускользают от читателя и там, где сообщается, что «в *марте 1925 г.*» (так в тексте. – А.Ю.) в Гуанчжоу появилась делегация во главе с начальником Политуправления РККА А.С. Бубновым. В продолжение данной информации идут сведения о том, что в конце 1925 г. прибыл в Москву и в апреле 1926 г. был во Владивостоке деятель Гоминьдана Ху Ханьминь, а с сентября 1926 г. по апрель 1927 г. в Москве находился Шао Ли-цзы, представитель ЦИК Гоминьдана и лично Чан Кайши [там же, сс. 111–112]. Вроде бы налицо некое перечисление фактов политико-дипломатического обмена факультативной значимости – захочет читатель их запомнить, запомнит, не пожелает – и не надо. Но непонятно, почему речь только об этих трех событиях и именно в такой последовательности. «Комиссия Ивановского» (псевдоним Бубнова) была в Гуанчжоу на самом деле годом позже – в *марте 1926 г.* и известна главным образом тем, что оправдала перед Москвой случившийся тогда же «переворот» Чан Кайши, скорее демонстрацию, приуроченную как раз к прибытию московских функционеров (см. [Юркевич, 2013, с. 274–277; Панцов, 2019, сс. 114–120]) и приблизившую Чана к лидерству в партии и армии. Ху Ханьминь, один из соперников Чан Кайши, был еще осенью 1925 г., задолго до «комиссии Бубнова», направлен в СССР в качестве представителя Гоминьдана в Коминтерне, фактически в ссылку, которая позволяла убрать его из Гуанчжоу в момент драматического передела власти в Гоминьдане и в то же время избавить от судебного преследования со стороны конкурентов (см. [Семенов, 1985, сс. 112–114; Юркевич, 2013, сс. 251–252]); в апреле 1926 г. он через Владивосток возвращался в Китай. А ставленник Чан Кайши Шао Ли-цзы отправился в Москву, тоже как представитель Гоминьдана в Коминтерне, в конце 1926 г., когда Чан отстаивал свои претензии на первенство в партии. Связь событий с политическими комбинациями, касающимися борьбы за власть в Гоминьдане и одновременно затрагивающими отношения этой партии с Москвой, теряется за перечислением самоценных единиц информации.

«Фактический переворот» Чан Кайши, одно из главных политических событий 1926 г., характеризуется в книге В.Г. Дацышена цитатой, неточно приведенной В.Б. Воронцовым в 1990 г.: Чан *тогда* якобы утверждал, что он «не против русских коммунистов, а только против правого крыла в ВКП(б), во главе которого стоит (в тексте настоящее время. – А.Ю.) Сталин» [Дацышен, 2023, сс. 113; Воронцов, 1990, сс. 141]. Из этой цитаты буквально следует, что Чан в ходе событий 1926 г. зачем-то бросил вызов Сталину. Но этого не было – Чан Кайши в то время всячески убеждал Москву в своей лояльности и склонности к политическому самоубийству не проявлял.

Вместе со смыслом событий подвергаются деконструкции их причинно-следственные связи и хронология. Так, в качестве доказательства того, что Москва в *марте 1926 г.* не обиделась на «переворот», предпринятый Чаном, повторно приведены факты, имевшие место значительно позже, когда все проблемы, связанные с мартовскими событиями, были забыты: откомандирование Шао Ли-цзы в Коминтерн в *конце 1926 г.* (сообщено повторно) и его вхождение в ИККИ в *1927 г.* [Дацышен, 2023, сс. 113]. Затем следует сюжет о расхождении во мнениях между главным политическим советником М.М. Бородиным и главным военным советником В.К. Блюхером относительно сотрудничества с Чан Кайши (без уточнения, что речь идет о *конце 1926* – на-

чале 1927 г.), а далее излагается требование Москвы к Гоминьдану, имевшее место в первой половине – середине 1926 г. и как бы связанное с разногласиями Чана и его главного военного советника – об отказе Гоминьдану в ведении наступательных операций за пределами Гуандуна [там же], что дает читателю основание связывать этот запрет с недоверием к Чану.

Однако требование к Гоминьдану не выходить за границы Гуандуна в первой половине – середине 1926 г. не имело в виду какие-то претензии к Чан Кайши, а отражало желание советского руководства дожидаться должной радикализации Гоминьдана и опасения утратить южнокитайскую революционную базу (см. [Панцов, 2001, с. 136–137; Картунова, 2000, с. 141]). Бородин, отсутствовавший в Китае с осени 1925 г. и возвращенный туда (по требованию Чан Кайши) к маю 1926 г., вовсе не был против начавшегося в июне 1926 г. Северного похода – напротив, считал его желательным, ибо полагал, что нелюбимый им Чан в ходе кампании непременно потеряет политический авторитет, и это пойдет на пользу «левым» в Гоминьдане (см. [Юркевич, 2013, с. 296–297]).

Стратегическим целям Гоминьдана, которые могли бы прояснить вытекающие из них действия, уделяется столь же мало внимания, как и долгосрочным установкам Москвы. Например, понятие «Северный поход», связанное с суньятсеновской программой трех этапов национальной революции и всеми важными процессами и событиями в Китае с середины 1926 г. до августа 1928 г., в книге вовсе отсутствует, как и упоминания о существовании у Гоминьдана стратегии. А ведь последняя худо-бедно привела эту партию в 1928 г. к объединению Китая наперекор историческому материализму. Умолчание о таких факторах двусторонних отношений, как стратегии и программы, становится источником странных недоразумений.

В частности, сразу после изложения требования к Гоминьдану «никуда не уходить» из Гуандуна, относящемуся к первой половине 1926 г., сообщается, что в декабре (на самом деле в ноябре) того же года гоминьдановская Национально-революционная армия как-то вдруг почему-то заняла Наньчан [Дацышен, 2023, с. 114]. При этом читатель не имеет возможности оценить значение этого события, так как не знает, что в ходе того же не известного ему Северного похода ранее, в *октябре* 1926 г., уже было занято троюградье Ухань на Янцзы, где утвердилась «левая» часть Национального правительства, сотрудничавшая с КПК, и только *потом* был захвачен Наньчан, в котором укрепился Чан Кайши, коммунистов недолголюбивавший. Именно с того и началось *противостояние двух центров власти Гоминьдана*, создавшее головную боль для Москвы и завершившееся тем, о чем говорилось в *предыдущем* параграфе книги.

А поскольку появление трещины в Гоминьдане и вызвавшие ее причины остались за пределами внимания автора и читателя, то не вполне мотивированным выглядит и превращение этой трещины в пропасть. *Сразу* после информации о захвате Наньчана (ноябрь 1926 г.) сообщается: «В апреле 1927 г. произошел разрыв отношений Советского Союза с лидером ГМД Чан Кайши» [Дацышен, 2023, с. 114]. Формулировка по поводу лидерства не точна – месяцем ранее пленум ЦИК Гоминьдана в Ухане уже освободил Чана от поста председателя Политсовета ЦИК, даже был отдан секретный приказ о его аресте (см. [Панцов, 2019, с. 132; Юркевич, 2013, с. 304]). И поэтому он в апреле хотя и оставался главкомом, но был вождем только той части Гоминьдана,

базой которой вместо Наньчана стал Нанкин. «Поводом [к разрыву. – А.Ю.] послужили события, произошедшие в Шанхае 12 апреля, когда гоминьдановские войска *расстреляли рабочую демонстрацию* (курсив мой. – А.Ю.)» [Дацьшен, 2023, с. 114]. Здесь тоже принципиальная неточность. Шанхай в преддверии наступления войск НРА был освобожден отрядами повстанцев, которые организовали коммунисты и «левые» гоминьдановцы. Войска подчиненного Чан Кайши генерала Бай Чунси 20 марта вошли в город без боя, а 12 апреля, дождавшись, когда криминальные структуры, следуя намеченному плану, начали громить штаб-квартиры коммунистов и рабочих организаций, под предлогом «наведения порядка» поддержали мафию, устроив массовые казни. Так что дело было не в расстреле некой демонстрации. Было заранее спланированное антикоммунистическое выступление, которое, тоже согласно предварительным договоренностям, нашло продолжение в целом ряде крупных городов, занятых НРА (см. описание шанхайских и последующих событий в книгах [Картунова, 2000, сс. 243–247; Юркевич, 2013, сс. 308–311]).

Примечательно в свете «рассинхронизации» фактов и утраты связи между ними то обстоятельство, что лишь в конце с. 115, почти двумя страницами *ниже* сообщения о шанхайской резне, появляется *первое* упоминание о «левогоминьдановском правительстве в Ухане», непонятно как, когда и почему там возникшем и зачем-то противостоявшем Чан Кайши.

Богатство фактографии, которое могло стать преимуществом пособия, из-за отсутствия концептуального стержня превращается в фактор, провоцирующий логические и хронологические сбивы: факты не помогают, а мешают читателю уяснить логику событий. Но сведения, которые не позволяют составить целостную и адекватную картину исторической реальности, справедливо признать как минимум не полезными для учебного процесса. Так, заявление Сталина о том, что «нужно вычистить из Китая и Бородина и Роя, и всех тех оппозиционеров, которые мешают там работе» [Дацьшен, 2023, с. 115], может быть информативно только для читателя, уже знающего, кто такой Рой, что он натворил, и чем оппозиционеры огорчили руководителя аппарата ЦК ВКП(б). Однако информацию об этом читателю придется искать в других источниках.

К сожалению, останется не известным ему даже факт *начала гражданской войны* между Гоминьданом и КПК в августе 1927 г.², очень многое объясняющий в эволюции советско-китайских отношений, а из вооруженных выступлений КПК в 1927 г. упомянуто только декабрьское Гуанчжоуское восстание, к тому же описанное не вполне удачно [там же].

Надо признать: когда повествование переходит на сибирско-дальневосточную почву, в него возвращается и хронологическая последовательность, и связность событий. Об этом свидетельствуют 3-й и 5-й параграфы гл. 2, посвященные соответствен-

² В словарно-энциклопедических изданиях статьи о гражданской войне в Китае могут начинаться с сообщения об апрельских 1927 г. событиях в Шанхае. Однако тогда имел место раскол в самом Гоминьдане, а не вооруженное противостояние КПК со всеми гоминьдановскими фракциями разом, которое началось с Наньчанского восстания 1 августа 1927 г. (дата отмечается как день создания НОАК), спланированного с участием советских эмиссаров [Григорьев, 1980, сс. 16–70]. Факты начала гражданской войны и Наньчанского восстания не нашли упоминания в книге В.Г. Дацьшена.

но ситуации на КВЖД в 1924–1929 гг. и вооруженному конфликту между СССР и властями Маньчжурии, а также 4-й параграф – об эволюции китайской диаспоры в СССР. Но и в этих разделах не обошлось без неточностей. Так, Л.Д. Троцкий никогда не был председателем Китайской комиссии – постоянного органа Политбюро ЦК ВКП(б), существовавшего в 1925–1926 гг., а лишь возглавлял в марте 1926 г. специализированную комиссию, готовившую для Политбюро решение по политике в отношении Китая (Панцов, 2001, сс. 158–159). Создание общества «Руки прочь от Китая!» на с. 132 отнесено к 1924 г., что верно (оно было вызвано событиями, связанными с противостоянием Сунь Ятсена и местного купечества, поддержанного администрацией Гонконга), а на с. 135 – к 1927 г. (т.е. ассоциировано с конфронтацией КПК и Москвы с Гоминьданом), чего быть не могло, и т.п.

Существенно более «отработанным» предстает текст 3-й главы, самой краткой, хотя и охватывающей более половины всего рассматриваемого в книге периода: с 1931 г. (восстановление отношений СССР и Китайской Республики после захвата японцами Маньчжурии) до 1949 г. (образование КНР и установление Москвой дипломатических связей с новым китайским государством). Неожиданная лапидарность этого раздела, как отмечалось выше, может быть объяснена тем, что он не дает достаточных поводов для освещения вклада Сибири и Дальнего Востока в развитие советско-китайских отношений: «региональная» врезка в структуру текста представлена только одним параграфом, посвященным Синьцзяну. Неточностей здесь меньше, но они тоже встречаются. Так, глава администрации Синьцзяна Шэн Шицай в 1938 г. мог вступить в ВКП(б), но никак не в КПСС [Дацышен, 2023, с. 160]. Вряд ли можно полностью согласиться с утверждением о том, что в 1937 г. «и советское, и китайское руководство не скрывали своего общего понимания ситуации» [там же, с. 165]. Тезису об «общем понимании» противоречат приведенные далее факты, свидетельствующие о попытках Китая склонить СССР к подписанию договора о взаимопомощи и втянуть его в войну, чему Москва всячески противилась. Понятие «единый фронт» применительно к отношениям Гоминьдана и КПК, чрезвычайно важное для понимания и советской политики, и отношений в треугольнике «СССР – Гоминьдан – КПК», появляется в книге лишь однажды, в цитате, иллюстрирующей тематику переговоров и дипломатической переписки с Китаем в 1940–1941 гг., и то мельком, тогда как оно имело общее *стратегическое* значение (не только в связи с Китаем) для Коминтерна, ВКП(б) и, соответственно, советских государственных институций, в том числе зарубежных представительств, с середины 1930-х годов [там же, с. 169].

Приходится констатировать, что подход к проблематике двусторонних отношений, предложенный в более позднем учебном пособии, не всегда оптимален для организации и верификации материала. Отказ от выявления стратегических принципов и программ политических акторов международного взаимодействия лишает книгу концептуального каркаса, который может не только структурировать текст, но и дать основания для отбора фактов, определения их иерархии и места в изложении. Примечательно, что намерение преодолеть политическую доминанту в освещении двусторонних отношений не отменило того обстоятельства, что общую канву повествования в книге определяют событийно-хронологические вехи, знаменующие ситуации разрыва и возобновления официальных связей именно между *государствами*. Другое дело,

что эта канва не находит последовательного продолжения в ткани текста, тематически сгруппированные факты фрагментируются, а версии их взаимосвязей не всегда оказываются корректными.

Но сказанное отнюдь не означает, что подходы, опробованные в новом учебном пособии, и содержащийся в нем материал не привносят ничего позитивного в практику изучения и презентации проблем международных отношений.

Перспективы развития учебной литературы об отношениях СССР/России и Китая

Нельзя забывать, что материал, предложенный В.Г. Дацышеном, предназначен для широкого круга гуманитариев и обществоведов. Книга откроет им целый ряд фактов, которые редко затрагиваются или вовсе не упоминаются в учебниках, а также отечественные источники по новейшей истории отношений нашей страны с Китаем, продемонстрирует значимость приграничных регионов для международных отношений, многоаспектность темы, для раскрытия которой необходимо принять во внимание культурное, экономическое и другие виды двустороннего взаимодействия. Хотя полезность пособия в его нынешнем виде именно для будущих историков и международников, особенно китаеведов, не во всем выглядит безусловной, нет сомнения, что в последующих изданиях, исправленных и дополненных, замысел известного ученого может получить более полное и завершённое воплощение.

Заслуживает отдельного внимания культурологический аспект этого замысла, намеченный во введении. Не исключено, что указание на «преломление через русскую культуру материальной и духовной культуры *чжунго-чжунвэнь*» [Дацышен, 2023, с. 5] представляет собой только политкорректный намек на традиционное видение китайцами своего места в мире через призму лингвистического самоопределения как «срединного» (что предполагает и проявления в сфере международной политики). Но более вероятным кажется, что читателю предлагают задуматься о том, насколько условна однозначность «китайского» и «китайскости» в понимании, заданном русскими лексемами. К сожалению, далее в книге эта тема прямого продолжения не нашла, однако она имеет потенциал развития. Разноморфемные лексико-смысловые ипостаси того, что для нас предстает однозначно «китайским» (*хань* – китайское-ханьское в этническом смысле, *чжунхуа* – «срединное и цветущее» в универсализирующем цивилизационном плане, *чжунго* – «[принадлежащее к] Срединному государству» как полиэтническому культурно-политическому пространству и т.д.), вполне корреспондируют с многомерностью и многослойностью русского/российского.

Углубление этой темы возможно в формате коллективной обобщающей публикации, которая имела бы не только утилитарно учебный, но и, в широком смысле, энциклопедический характер и создавалась с участием специалистов в разных областях советско/российско-китайского взаимодействия – международной политики, экономики, военного дела и военной истории, культуры, науки, искусства, приграничных отношений – на основе проблемного каркаса, включающего органичную культурологическую компоненту.

Пока в роли такого каркаса нет альтернативы внешнеполитическим стратегиям, которым большое внимание обоснованно уделено в работе А.А. Писарева. Они позволяют соотносить общие стратегические установки и их изменчивые тактические проявления, декларируемые и тайные планы и намерения, исходящие из субъективных оценок замыслы и объективные условия их реализации, главные и сопутствующие факторы, обуславливающие характер действия и его результат, а также подталкивают к тому, чтобы не ограничиваться констатацией противоречивости политических доктрин и действий государства (не имеющими второго и третьего дна они предстают только в пропагандистской риторике), но вскрывать характер и содержание противоречий. В книге В.Г. Дацышена неоднократно отмечается противоречивость советской политики, но артикулируется фактически единственное противоречие – «между интернационализмом мировой революции и национальными интересами России» [Дацышен, 2023, с. 126]. Однако в других местах той же работы явно подразумеваются иные коллизии разных уровней: между публично декларируемыми и тайными целями, принципами международного права и интересами революционного движения, гуманистическими идеалами и классовой непримиримостью, централизацией внешней политики и самостоятельностью эмиссаров на местах, директивным характером установок Москвы и возможностью разных их толкований исполнителями и др. Такого рода противоречия вполне заслуживают отчетливой артикуляции в тексте, хотя это, безусловно, и требует тщательного учета не только особенностей прошедшей исторической эпохи, но и политического такта, соответствующего требованиям текущего момента.

Полезным для учебных пособий по истории отношений СССР/России и Китая представляется изложение не только мнений авторов, но и альтернативных точек зрения по наиболее дискуссионным проблемам. Особенно это существенно для обучения по тем специальностям, которые предполагают подготовку исследователей, способных посвятить себя указанной проблематике («Международные отношения», «Востоковедение», «Всеобщая история» и «История России»). Ознакомление с противоречащими друг другу экспертными оценками – наиболее наглядный и убедительный способ настроить обучаемых на восприятие соответствующей области знания как сферы дискуссий и научного поиска, показать особенности подходов к теме со стороны разных историографических школ, мнения которых необходимо принимать во внимание и подвергать анализу в ходе собственных исследований. К этому приему прибегает в своей работе А.А. Писарев, но, к сожалению, такой подход к презентации учебного материала разделяют даже не все его коллеги, вместе с ним участвовавшие в подготовке книги 2013 г.

Недооценивается авторами и составителями учебных пособий также значимость справочного аппарата. В книге под редакцией А.В. Лукина применяются ссылки, главы снабжены списками литературы, биографическими вставками в основной текст и перечнями важнейших событий из области отношений двух стран для каждого значительного периода. Но отсутствие именных, предметных и других указателей снижает функциональную ценность издания – затрудняет быстрое обнаружение информации о конкретных лицах в определенных обстоятельствах, о связях между событиями, персоналиями, организациями и т.п., т.е. *работу с учебным материалом*, для осмысления которого недостаточно разового прочтения.

В нынешних усилиях по созданию учебных пособий, преимущественно индивидуальных, хотелось бы видеть подготовку к будущим крупным коллективным изданиям. Опираясь на опыт предыдущих проектов, они должны не просто собирать под одной обложкой тексты разных авторов, а, подобно томам энциклопедии «Духовная культура Китая» [Духовная культура..., 2006–2010], выстраиваться в соответствии с общей, согласованной в подробностях методологией подбора и выстраивания контента, учитывать существование дискуссионных проблем, альтернативных подходов к историческому материалу и многообразию его аспектов, использовать современный, гибкий и функциональный научный аппарат.

Библиографический список

- ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. Т. I. М.: Буклет, 1994. 792 с.
- Воронцов В. Михаил Бородин: жизненный подвиг и трагедия // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. Сс. 135–147.
- Григорьев А.М. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики). М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1980. 295 с.
- Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.): учеб. пособие. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2004. 230 с.
- Дацышен В.Г. История русско-китайских отношений. 1917–1949 гг.: учеб. пособие. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. 216 с.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. (+ доп.) / Гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. Москва: Вост. лит. РАН, 2006–2010.
- Картунова А.И. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М.: ИДВ РАН, 2000. 290 с.
- Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан, 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999. 376 с.
- Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. 456 с.
- Панцов А. Чан Кайши. М.: Молодая гвардия, 2019. (ЖЗЛ: сер. биогр.; вып. 1051). 867 с.
- Писарев А.А. Эпоха гражданских войн и революций. СССР и республиканский Китай (с 1917 до 1949 г.) // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под. ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. Сс. 109–221.
- Юркевич А.Г. Москва – Кантон, 1924: Помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: Вариант, 2013. 424 с.

References

- Datsyshen V.G. (2004). Istoriya russko-kitajskih otnoshenij (1618–1917 gg.): ucheb. posobie [The History of Russian-Chinese Relations (1618–1917): Textbook]. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU. 230 s. (In Russian).
- Dacyshen V.G. (2023). Istoriya russko-kitajskih otnoshenij. 1917–1949 gg.: ucheb. posobie [History of Russian-Chinese Relations. 1917–1949: Textbook]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 216 s. (In Russian).
- Duhovnaya kul'tura Kitaya (2006–2010). Enciklopediya v 5 t. (+ dop.) [Spiritual Culture of China (2006–2010). Encyclopedia in 5 volumes (+ add.)]. Ch. ed. M.L. Titarenko. M.: Vost. lit. RAN. (In Russian).

Grigoriev A.M. (1980). Revolyucionnoe dvizhenie v Kitae v 1927–1931 gg. Problemy strategii i takiki [The Revolutionary Movement in China in 1927–1931. Problems of Strategy and Tactics]. M.: Gl. red. vost. lit. izd-va “Nauka”. 295 s. (In Russian).

Kartunova A.I. (2000). Politika Moskvyy v nacional’no-revolucionnom dvizhenii v Kitae: voennyi aspekt (1923 g. – iyul’ 1927 g.) [Moscow’s Policy in the National Revolutionary Movement in China: the Military Aspect (1923 – July 1927)]. M.: IDV RAS. 290 s. (In Russian).

Mamaeva N.L. (1999). Komintern i Gomin’dan, 1919–1929 [The Comintern and the Kuomintang, 1919–1929]. M.: ROSSPEN. 376 s. (In Russian).

Pancov A.V. (2001). Tajnaya istoriya sovetsko-kitajskih otnoshenij. Bol’sheviki i kitajskaya revolyuciya (1919–1927) [The Secret History of Soviet-Chinese Relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. M.: Muravey-Guide. 456 s. (In Russian).

Pantsov A. (2019). Chan Kajshi [Chiang Kai-shek]. M.: Molodaya gvardiya. (ZhZL: ser. biogr.; issue 1051). 867 s. (In Russian).

Pisarev A.A. (2013). Epoha grazhdanskih vojn i revolyucij. SSSR i respublikanskij Kitaj (s 1917 do 1949 g.) [The era of civil wars and revolutions. USSR and Republican China (from 1917 to 1949)]. Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij / pod. red. A.V. Lukina. M.: Ves’ Mir. Ss. 109–221. (In Russian).

VKP(b), Komintern i nacional’no-revolucionnoe dvizhenie v Kitae. T. I [The CPSU(b), the Comintern and the National Revolutionary Movement in China. Vol. I]. M.: Buklet, 1994. 792 s. (In Russian).

Vorontsov V. (1990). Mihail Borodin: zhiznennyj podvig i tragediya [Mikhail Borodin: life’s feat and tragedy]. Problemy Dal’nego Vostoka. N 6. Ss. 135–147. (In Russian).

Yurkevich A.G. (2013). Moskva–Kanton, 1924: Pomoshch’ SSSR Gomin’danu i dve strategii ob’edineniya Kitaya [Moscow–Canton, 1924: Soviet Aid to the Kuomintang and Two Strategies for the Unification of China]. M.: Variant. 424 s. (In Russian).

Поступила в редакцию: 20.11.2024. Received: 20 November 2024.

Принята к публикации: 03.12.2024. Accepted: 3 December 2024.